

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации

МАЙ • 2015

Постановление от 26 мая 2015 года № 11-П по делу о проверке конституционности части 5 статьи 12 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201505280013; дата опубликования: 28.05.2015)

Правовые категории в Постановлении: право на социальное обеспечение; служба в органах уголовно-исполнительной системы; инвалидность вследствие военной травмы; ежемесячная денежная компенсация.

Заявитель: гражданка Т. Н. Шаяшниковой (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть 5 статьи 12 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования данная норма служит основанием для решения вопроса о возможности предоставления предусмотренной ею ежемесячной денежной компенсации лицам, уволенным со службы в органах уголовно-исполнительной системы, — инвалидам вследствие военной травмы, получающим пенсию за выслугу лет.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение противоречит статьям 19 (часть 1), 39 (части 1 и 2), 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 Конституции РФ, поскольку оно лишает права на получение ежемесячной денежной компенсации лиц, уволенных со

службы в органах уголовно-исполнительной системы, — инвалидов вследствие военной травмы, получающих пенсию за выслугу лет.

Итоговый вывод решения: оспариваемое законоположение не соответствует Конституции РФ, ее статьям 19 (части 1 и 2), 39 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой содержащаяся в ней норма служит основанием для отказа в предоставлении ежемесячной денежной компенсации лицам, уволенным со службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, — инвалидам вследствие военной травмы, получающим пенсию за выслугу лет.

Мотивы решения. Оспариваемое законоположение по своему нормативному содержанию аналогично положению части 6 статьи 43 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 12 февраля 2015 года № 15-ФЗ «О внесении изменения в статью 43 Федерального закона “О полиции”»). Конституционный Суд РФ в Постановлении от 10 февраля 2015 года № 1-П, опираясь на сформулированные им ранее правовые позиции, признал данную норму не соответствующей Конституции РФ, поскольку условия выплаты данной

ежемесячной денежной компенсации должны определяться таким образом, чтобы обеспечивать ее получение всеми сотрудниками органов внутренних дел, признанными инвалидами вследствие военной травмы, в зависимости лишь от степени утраты трудоспособности, а не от вида получаемой ими пенсии.

Возлагаемые на сотрудников уголовно-исполнительной системы обязанности, связанные с обеспечением надлежащего исполнения уголовных наказаний и закрепленного законом порядка отбывания наказаний, охраны прав и свобод осужденных, а также с осуществлением содержания лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, подсудимых, находящихся под стражей, их охраной и конвоированием, предполагают необходимость выполнения ими поставленных задач в любых условиях, в том числе сопряженных со значительным риском для жизни и здоровья, вследствие чего государство — в силу статей 1 (часть 1), 2, 7, 37 (части 1 и 3), 39 (части 1 и 2), 41 (часть 1), 45 (часть 1) и 71 (пункт «в») Конституции РФ — обязано гарантировать им материальное обеспечение и компенсации в случае причинения вреда их жизни или здоровью в период прохождения службы. При этом следует учитывать, что органы уголовно-исполнительной системы ранее (в том числе в период прохождения службы заявительницей) входили в состав Министерства внутренних дел РФ и были переданы в ведение Министерства юстиции РФ лишь в 1998 году на основании Указа Президента РФ от 28 июля 1998 года № 904. Согласно статье 21 Федерального закона от 21 июля 1998 года № 117-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы» государственная служба в этой системе регулируется Положением о службе в органах внутренних дел РФ, утвержденным Постановлением Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 года № 4202-1.

Соответственно, исходя из конституционных принципов равенства и справедливости, предполагающих в том числе равное обращение с лицами, находящимися в сходной ситуации, сотрудникам уголовно-исполнительной системы должны быть обеспечены аналогичные предоставляемым сотрудникам органов полиции условия выплаты ежемесячной де-

нежной компенсации в возмещение вреда здоровью в случае получения ими при выполнении служебных обязанностей увечья или иного повреждения здоровья, исключающих возможность дальнейшего прохождения службы и повлекших стойкую утрату трудоспособности.

Оспариваемое законоположение, так же как и часть 6 статьи 43 Федерального закона «О полиции» в первоначальной редакции, предусматривает выплату ежемесячной денежной компенсации в случае причинения сотруднику органов уголовно-исполнительной системы в связи с выполнением служебных обязанностей увечья или иного повреждения здоровья, исключающих возможность дальнейшего прохождения службы и повлекших стойкую утрату трудоспособности. В силу правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом РФ в Постановлении от 10 февраля 2015 года № 1-П, условия предоставления этой компенсации должны определяться — как по отношению к сотрудникам органов полиции, так и по отношению к сотрудникам органов уголовно-исполнительной системы — таким образом, чтобы обеспечивать ее получение указанными лицами, признанными инвалидами вследствие военной травмы, в зависимости лишь от степени утраты трудоспособности, а не от вида получаемой ими пенсии.

В системе правового регулирования, действующего в сфере государственной службы в правоохранительных органах, и с учетом правовых позиций Конституционного Суда, сформулированных на основе статей 17, 18, 19, 32 (часть 4) и 39 Конституции РФ (см.: *постановления от 18 марта 2004 года № 6-П, от 10 февраля 2015 года № 1-П*), это означает, что все сотрудники, имеющие специальное звание и проходившие службу в учреждениях и органах, указанных в Федеральном законе «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», должны при наступлении инвалидности вследствие военной травмы на равных условиях приобретать право на ежемесячную денежную компенсацию. Между тем часть 5 статьи 12 названного Федерального закона напрямую связывает выплату ежемесячной денежной компенсации

указанным в ней лицам, получившим при выполнении служебных обязанностей увечье или иное повреждение здоровья, исключающие возможность дальнейшего прохождения службы и повлекшие стойкую утрату трудоспособности, с назначением пенсии по инвалидности. Соответственно, в правоприменительной практике данная норма рассматривается как распространяющаяся только на тех получивших военную травму в период прохождения службы сотрудников перечисленных в ней учреждений и органов, которым назначена пенсия по инвалидности.

Поскольку оспариваемое законоположение по своему нормативному содержанию аналогично положению части 6 статьи 43 Фе-

дерального закона «О полиции» в редакции, признанной Конституционным Судом РФ не соответствующей Конституции РФ, правовые позиции Конституционного Суда РФ, выраженные в Постановлении от 10 февраля 2015 года № 1-П и сохраняющие свою силу, распространяются на всех имеющих специальные звания сотрудников учреждений и органов, перечисленных в Федеральном законе «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которые признаны инвалидами вследствие военной травмы, независимо от вида назначенной им пенсии.

ИЮНЬ • 2015

Постановление от 2 июня 2015 года № 12-П по делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201506050001; дата опубликования: 05.06.2015)

Правовые категории в Постановлении: охрана окружающей среды; лесной фонд; загрязнение почв; разлив нефти и нефтепродуктов; возмещение вреда.

Заявитель: ООО «Заполярье» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса РФ и постановления Правительства РФ «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства», в том числе касающиеся применения пункта 5 приложения № 4 к нему в той мере, в какой на их основании устанавливается размер возмещения вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства, в частности разрешается вопрос о возможности учета фактических затрат, понесенных причинителем вреда в процессе устранения им загрязнения лесов, образовавшегося в результате разлива нефти и нефтепродуктов.

Позиция заявителя: оспариваемые нормативные положения противоречат статьям

10, 17 (часть 3), 19 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (часть 1), 42, 46 (часть 1), 54, 55 (часть 3) и 115 (часть 1) Конституции РФ, поскольку по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, вопреки конституционному принципу справедливости, соразмерности и индивидуализации ответственности они допускают взыскание с нарушителя лесного законодательства возмещения вреда в денежной форме без оценки степени осуществленного им восстановления состояния окружающей среды и без учета понесенных при этом затрат, формы и степени вины причинителя вреда, его последующего поведения и последствий правонарушения, в размере, превышающем по сравнению с его объективной величиной, и — в нарушение конституционного требования разделения законодательной и исполнительной власти — допускают возложение обязанности осуществлять платеж, превышающий оценку причиненного вреда и являющийся, по сути, в части такого превышения денежным наказанием (штрафом), не законом, а постановлением Правительства РФ.

Итоговый вывод решения: положения части 2 статьи 99 Лесного кодекса РФ и постановления Правительства РФ «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» не соответствуют Конституции РФ, ее статье 9 (часть 1) во взаимосвязи со статьями 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (часть 1), 42 и 55 (часть 3), в той мере, в какой — в силу неопределенности нормативного содержания, порождающей их неоднозначное истолкование и, следовательно, произвольное применение, — при установлении на их основании размера возмещения вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства, в частности при разрешении вопроса о возможности учета фактических затрат, понесенных причинителем вреда в процессе устранения им загрязнения лесов, образовавшегося в результате разлива нефти и нефтепродуктов, данные положения не обеспечивают надлежащий баланс между законными интересами лица, добросовестно реализующего соответствующие меры, и публичным интересом, состоящим в максимальной компенсации вреда, причиненного лесам. Часть 2 статьи 100 Лесного кодекса РФ не противоречит Конституции РФ.

Мотивы решения. Согласно Конституции РФ земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (часть 1 статьи 9); владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц (часть 2 статьи 36).

Поскольку эксплуатация природных ресурсов, их вовлечение в хозяйственный оборот наносят ущерб окружающей среде, издержки на осуществление государством мероприятий по ее восстановлению в условиях рыночной экономики должны покрываться прежде всего за счет субъектов хозяйственной и иной деятельности, оказывающей негативное воздействие на окружающую природную среду. Публичная власть, также несущая конституционную ответственность за сохранение природы и окружающей среды, обязана, в свою очередь, принимать меры, направ-

ленные на сдерживание загрязнения окружающей среды, предупреждение и минимизацию экологических рисков.

Одним из принципов охраны окружающей среды является принцип «загрязнитель платит», который, как следует из статьи 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды», выражается в обязательном финансировании юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими хозяйственную и (или) иную деятельность, которая приводит или может привести к загрязнению окружающей среды, мер по предотвращению и (или) уменьшению негативного воздействия на окружающую среду, устранению последствий этого воздействия.

Особенности экологического ущерба, прежде всего неочевидность причинно-следственных связей между негативным воздействием на природную среду и причиненным вредом, предопределяют трудность или невозможность возмещения вреда в натуре и исчисления причиненного вреда, и в силу этого — условность оценки его размера. Кроме того, ущерб, причиненный экологическим правонарушением, отличается сложностью его проявлений: он включает, как следует в том числе из статьи 42 Конституции РФ, экологический вред окружающей среде, вред, причиняемый здоровью человека (социальный вред), и вред имуществу, находящемуся в частной или публичной собственности (экономический вред).

Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 9 января 1998 года № 1-П, лесной фонд — ввиду его жизненно важной многофункциональной роли и значимости для общества в целом, необходимости обеспечения устойчивого развития (сбалансированного развития экономики и улучшения состояния окружающей природной среды в условиях возрастания глобального экологического значения лесов России и выполнения ею соответствующих международных обязательств), а также рационального использования этого природного ресурса в интересах Российской Федерации и ее субъектов — представляет собой публичное достояние многонационального народа России и как таковой является федеральной собственностью особого рода и имеет специальный правовой режим. Лесное законодательство регулирует отношения

в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов исходя из понятия о лесе как об экологической системе или как о природном ресурсе (статья 5 Лесного кодекса РФ).

Соответственно, при регулировании отношений по возмещению вреда, причиненного лесам, в том числе при определении его объемов (структуры), необходим учет свойств леса и как природного ресурса, и как экологической системы, а при оценке причиненного вреда — учет всех негативных последствий, возникших в результате правонарушения. Поэтому для исчисления размера возмещения причиненного лесам вреда должны приниматься во внимание имущественная ценность леса, которая устанавливается на основе таких показателей, как рыночная или кадастровая стоимость, и его экологическая ценность, определяемая исходя из присущих лесам свойств — уникальности, способности к возобновлению, заменимости, местоположения и др.

При установлении ответственности за экологические правонарушения следует учитывать правовую позицию Конституционного Суда РФ, выраженную им применительно к таможенному регулированию (см.: *постановления от 27 апреля 2001 года № 7-П и от 14 июля 2003 года № 12-П*), согласно которой федеральный законодатель, по смыслу статей 8 (часть 1), 19 (часть 1), 34 (часть 1) и 35 (часть 1) Конституции РФ, при регулировании вопросов, касающихся гражданско-правовой и публично-правовой (в том числе административной и уголовной) ответственности, обязан исходить не только из публичных интересов государства, связанных с его экономической безопасностью, но и из частных интересов физических и юридических лиц как субъектов гражданских правоотношений.

Особые характеристики вреда, причиненного окружающей среде, который не поддается в полной мере объективной оценке (в частности, по причине отдаленности во времени последствий правонарушения), влекут за собой и применение особого, условного метода определения его размера.

Лесной кодекс РФ (статья 100) и Федеральный закон «Об охране окружающей среды» (статьи 77 и 78) предусматривают, что вред окружающей среде возмещается в соответствии с утвержденными в установленном

порядке таксами и методиками исчисления его размера. Специальные методики применяются в отношении таких объектов, как земля, водные объекты, атмосферный воздух и недра, а таксы (твердые единицы исчисления убытков) — в отношении лесов и животного мира. Таксы и методики исчисления размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства, утверждаются Правительством РФ (часть 2 статьи 100 Лесного кодекса РФ). Хотя исчисление размера вреда посредством такс и методик позволяет получить лишь приблизительную оценку причиненного лесу ущерба, такой подход снижает издержки, связанные с определением ущерба, причиненного лесу как экосистеме.

Реализуя делегированное ему частью 2 статьи 100 Лесного кодекса РФ полномочие, Правительство РФ постановлением «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» утвердило таксы для исчисления размера ущерба, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства (за исключением ущерба, причиненного лесным насаждениям или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам): так, в соответствии с пунктом 5 Приложения № 4 к данному постановлению при самовольном снятии, уничтожении или порче почв размер причиненного ущерба определяется как четырехкратная наибольшая ставка платы за единицу объема древесины преобладающей основной лесообразующей породы в субъекте Российской Федерации (за каждый квадратный метр снятой, уничтоженной или испорченной почвы). Несмотря на то что из Конституции РФ непосредственно не вытекает требование обязательного учета расходов, понесенных правонарушителем в добровольном порядке на восстановление природной среды, при определении объема выплат возмещения причиненного лесам вреда вследствие нарушения лесного законодательства, исчисленных по соответствующим таксам и методикам, законодатель, а по его поручению — органы исполнительной власти, осуществляющие государственное управление в области охраны окружающей среды, вправе в пределах предоставленных им полномочий для таких случаев, когда причинитель вреда за свой счет произвел восстановление загрязненного участка, особенно если он вложил при этом

средства большие, чем это необходимо для устранения нарушения, предусмотреть учет денежных средств, потраченных правонарушителем при исполнении им обязанности по устранению вреда в натуре. Подобное правовое регулирование было осуществлено при решении вопроса об исчислении размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства, в том числе вследствие загрязнения нефтью и нефтепродуктами (методика, утвержденная приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 13 апреля 2009 года № 87).

Таким образом, сама по себе часть 2 статьи 100 Лесного кодекса РФ, содержащая лишь отсылку к таксам и методикам как форме исчисления размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства, притом что такой размер, будучи величиной условной, поддается лишь приблизительному исчислению, не противоречит Конституции РФ.

Законодатель в силу имеющейся у него дискреции вправе установить и такую модель правового регулирования, при которой произведенные правонарушителем расходы на возмещение вреда лесам будут учитываться при определении размера выплат в соответствии с таксами и методиками (то есть вычитаться из них), равно как и предусмотреть размер выплат в соответствии с таксами и методиками, учитывающий исполнение правонарушителем обязанности по устранению вреда в натуре, при условии, что неисполнение данной обязанности с неизбежностью повлечет для причинителя вреда негативные правовые последствия.

В то же время законодатель вправе установить, что в каждом конкретном случае помимо выплаты, исчисленной в соответствии с таксами и методиками, объем возмещения вреда, причиненного лесам, с учетом специфического характера такого возмещения будет включать и иные элементы, и, руководствуясь конституционным принципом четкости, ясности и недвусмысленности правовых норм, определить, в чем состоят эти элементы и как они соотносятся с размером вреда, подлежащего возмещению в соответствии с таксами и методиками.

Поскольку добыча углеводородов осуществляется, как правило, в труднодоступных

местах и при этом используется сложная современная техника, государство в случаях загрязнения почв нефтью и нефтепродуктами вправе возложить принятие оперативных мер непосредственно на организацию, производящую разведку месторождений, добычу нефти, переработку, транспортировку и хранение нефти и нефтепродуктов.

Вместе с тем законодатель, устанавливая соответствующее правовое регулирование исходя из конституционных принципов пропорциональности и соразмерности (часть 3 статьи 55 Конституции РФ) и недопустимости при осуществлении прав и свобод человека и гражданина нарушений прав и свобод других лиц (часть 3 статьи 17 Конституции РФ), обязан обеспечивать баланс публичного интереса, заключающегося в максимально быстром и полном восстановлении природного ресурса, и частного интереса, который состоит в возможности свободной реализации хозяйствующими субъектами права собственности и права на осуществление предпринимательской деятельности. Для достижения такого баланса принципиальное значение имеет определение соотношения между обязанностью причинителя вреда принять меры по ликвидации последствий загрязнения (устранению выявленного нарушения) и его обязанностью компенсировать вред, причиненный окружающей среде, в частности установление того, должны ли учитываться расходы, понесенные причинителем вреда на ликвидацию последствий загрязнения, при расчете размера подлежащей взысканию компенсации.

Требование определенности правового регулирования, обусловленное конституционными принципами правового государства, верховенства закона и юридического равенства, предполагает, что механизм его действия должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений из содержания конкретного нормативного положения или системы нормативных положений, находящихся в очевидной взаимосвязи. Между тем действующая система правового регулирования отношений по возмещению государству как публичному собственнику вреда, причиненного лесам, не является достаточно определенной, что не способствует ни предотвращению негативных последствий загрязнения нефтью и нефтепродуктами и восстановлению поврежденного природного объекта, ни обес-

печению баланса конституционно защищаемых интересов.

Из положений статьи 99 Лесного кодекса РФ, рассматриваемых во взаимосвязи с положениями КоАП РФ, а также нормами Федерального закона «Об охране окружающей среды», не следует определенным образом ответить на вопрос, возникает ли обязанность по устранению выявленного нарушения лишь в тех случаях, когда оно подпадает под признаки правонарушения, за которое предусмотрена уголовная либо административная ответственность, или же в данной статье речь идет о нарушении лесного законодательства как таковом (а значит, если оно сопряжено с причинением вреда лесам, фактически о гражданско-правовом деликте).

Согласно пункту 3 Методики исчисления размера вреда, причиненного лесам, при причинении вреда лесам, в том числе лесным насаждениям, или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам вследствие воздействия сточных вод, химических, радиоактивных и других вредных веществ, отходов производства и потребления, в состав ущерба включаются расходы, связанные с приведением соответствующей территории в состояние, пригодное для дальнейшего использования. Данное положение содержит неопределенность относительно того, подразумевается ли включение таких расходов в состав компенсации сверх суммы, исчисленной по Методике на основе таксового метода, либо, напротив, предполагается вычет из суммы, исчисленной по ней на основе таксового метода, либо же просто декларируются принципы ее построения (учитывая, что в некоторых случаях таксы определяются именно исходя из таких расходов). Более того, положение Методики, касающееся приведения соответствующей территории в состояние, пригодное для дальнейшего использования, также не может считаться в полной мере определенным. По его буквальному смыслу, эта деятельность не тождественна приведению окружающей среды в состояние, существовавшее до совершения правонарушения. Неясно и соотношение термина «приведение в состояние, пригодное для дальнейшего использования» применительно к объему и составу мероприятий с понятиями «устранить выявленное нарушение» и «возместить причиненный вред», содержащимися в части 2

статьи 99 Лесного кодекса РФ, притом что именно соотношение этих понятий фактически предопределяет момент, когда должна начаться реализация обязанности возместить причиненный вред, а соответственно, и объем (структуру) такого вреда.

О неопределенности рассматриваемого правового регулирования свидетельствует и противоречивая правоприменительная практика. Некоторые арбитражные суды норму части 2 статьи 99 Лесного кодекса РФ об обязанности устранить выявленное нарушение и возместить причиненный ущерб интерпретируют как устанавливающую не два, а одно требование и, исходя из такого толкования, делают вывод: поскольку причинитель вреда произвел восстановительные работы, а ущерб, причиненный окружающей среде, возмещен в добровольном порядке, правовые основания для удовлетворения требования природоохранного органа о взыскании компенсации ущерба отсутствуют (постановления Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 30 ноября 2009 года по делу № А29-307/2009 и от 12 марта 2010 года по делу № А29-8492/2008).

Другие арбитражные суды отказывают хозяйствующим субъектам в зачете средств, потраченных на устранение последствий загрязнения окружающей среды, полагая, что ликвидация ответчиком загрязнения своими силами и возмещение вреда окружающей среде по утвержденным таксам являются самостоятельными формами компенсации ущерба, которые прямо предписаны законом (постановления Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17 декабря 2013 года по делу № А75-2278/2013 и от 24 сентября 2014 года по делу № А75-4505/2012).

Ряд арбитражных судов толкуют норму пункта 3 статьи 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды» как указывающую на повышенную имущественную ответственность, которая устанавливается с учетом не только материального, но и экологического вреда, нанесенного окружающей среде (что имело место в деле ООО «Заполярье»). Между тем в данной статье не содержится положений о повышенной гражданско-правовой ответственности, — такая ответственность предусмотрена пунктом 1 статьи 1064 ГК РФ, в котором говорится об обязанности

причинителя вреда выплатить потерпевшим компенсацию сверх возмещенного вреда в случаях, установленных законом. Что касается Федерального закона «Об охране окружающей среды», то он к таким законам не относится: в силу пункта 2 статьи 3 ГК РФ под гражданским законодательством, помимо самого Гражданского кодекса РФ, понимаются принятые в соответствии с ним федеральные законы, которые регулируют отношения, указанные в пунктах 1 и 2 его статьи 2. Подобная неопределенность не может быть устранена и посредством обращения к Правилам организации мероприятий по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на территории Российской Федерации (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2002 года № 240). Таким образом, административно-правовые нормы, регулирующие устранение последствий загрязнения в результате разливов нефти и нефтепродуктов, оказались несогласованными с гражданско-правовыми нормами о возмещении вреда, причиняемого в таких случаях. Между тем по смыслу правовой позиции, содержащейся в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2003 года № 12-П, публично-правовые нормы должны быть гармонизированы с диспозитивными нормами гражданского законодательства.

Отсутствие в системе действующего правового регулирования четкого и непротиво-

речивого правового механизма возмещения вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства, порождает неопределенность в вопросе о соотношении размера подлежащего возмещению вреда, исчисленного в соответствии с таксами и методиками, и понесенными причинителем вреда расходами на устранение своими силами допущенного правонарушения. Возмещение вреда в подобных случаях может превращаться из компенсационной меры, стимулирующей скорейшую минимизацию правонарушителем негативных последствий, в инструмент подавления экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и права собственности, а в конечном итоге — приводить к умалению права граждан на благоприятную окружающую среду, что недопустимо в силу статей 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (часть 1–3), 42 и 55 (часть 3) Конституции РФ.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Декларация по окружающей среде и развитию, принятая Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года, принципы 3 и 4); Директива 2004/35/СЕ Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 21 апреля 2004 года «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий».

Постановление от 4 июня 2015 года № 13-П по делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201506050029; дата опубликования: 05.06.2015)

Правовые категории в Постановлении: добросовестный приобретатель; право собственности; право на жилище; разовая компенсация добросовестному приобретателю жилого помещения; регистрация недвижимого имущества.

Заявители: граждане В. А. Князик и П. Н. Пузырин (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: статья 31.1 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ постольку, поскольку на ее основании судом решается вопрос о возможности выплаты добросовестному приобретателю жилого помещения, от которого жилое помещение было истребовано, разовой компенсации за счет казны Российской Федерации, если по не зависящим от него причинам,

в соответствии со вступившим в законную силу решением суда о возмещении ему вреда, причиненного в результате утраты такого имущества, взыскание по исполнительному документу в течение одного года со дня начала исчисления срока для предъявления этого документа к исполнению не производилось.

Позиция заявителей: оспариваемые законоположения не соответствуют Конституции РФ, ее статьям 2, 6, 7, 8, 19, 39 и 55, поскольку по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они ставят исполнение предусмотренного законом финансового обязательства государства в зависимости от наличия оснований ответственности компетентного государственного органа за неправомерные действия при регистрации прав на недвижимое имущество (жилое помещение).

Итоговый вывод решения: положения обжалуемой нормы признаны не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 19 (часть 1), 35 (часть 1), 40 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой с учетом места в структуре Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ и по смыслу сложившейся правоприменительной практики эти положения не допускают выплату добросовестному приобретателю, от которого было истребовано жилое помещение, разовой компенсации за счет казны Российской Федерации — в случаях, когда по не зависящим от него причинам, в соответствии со вступившим в законную силу решением суда о возмещении ему вреда, причиненного в результате утраты такого имущества, взыскание по исполнительному документу в течение одного года со дня начала исчисления срока для предъявления этого документа к исполнению не производилось, — по мотиву отсутствия оснований для привлечения компетентного государственного органа к ответственности за незаконные действия (бездействие), связанные с производившейся им государственной регистрацией прав на указанное жилое помещение.

Правоприменительные решения, в связи с которыми заявители обратились в Конституционный Суд, если они основаны на положениях статьи 31.1 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ в том аспекте, в каком они признаны не соответствующими Конституции РФ, подлежат пересмотру.

Мотивы решения. Конституционный Суд указал, что, в силу общего правила, убытки, причиненные по вине органа, осуществляющего государственную регистрацию прав на имущество (при незаконном отказе в государственной регистрации прав на имущество, внесении в ЕГРП незаконных или недостоверных данных о праве и др.), подлежат возмещению за счет казны Российской Федерации в полном объеме (пункт 9 статьи 8.1 ГК РФ, статья 31 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ). Данный правовой механизм может быть задействован собственником (добросовестным приобретателем) имущества только в случаях незаконных действий регистрирующего органа, ответственность за которые несет государство.

Во всех других ситуациях, к которым относятся и обстоятельства дела заявителей, — когда имущественный вред связан исключительно с противоправными действиями третьих лиц, то есть причинителей вреда, признанных таковыми вступившим в законную силу судебным решением, установившим их обязанность возместить нанесенный вред, но с которых получить взыскание по исполнительному документу в течение установленного законом срока не удалось, — государство не несет юридической (негативной) ответственности за причиненный собственнику (добросовестному приобретателю) имущественный вред.

В то же время, в целях обеспечения гарантий стабильности гражданского оборота и исходя из необходимости защиты права частной собственности, государство вправе добровольно возложить на себя часть финансового бремени, вызываемого указанными негативными последствиями. Именно из этого исходил законодатель, вводя в Федеральный закон от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ статью 31.1, закрепившую институт разовой компенсации собственнику (добросовестному приобретателю) жилого помещения. Такая компенсация выступает в качестве материальной гарантии права на жилище и предназначена, в частности, для случаев, когда от добросовестного приобретателя жилое помещение было истребовано и если в соответствии с вступившим в законную силу решением суда о возмещении вреда, причиненного в результате утраты указанного имущества,

зыскание по исполнительному документу не производилось в течение одного года со дня начала исчисления срока для предъявления этого документа к исполнению.

Таким образом, в силу своего предназначения положения данной статьи не требуют установления обстоятельств, свидетельствующих о совершении регистрирующими органами неправомерных действий. Не предполагается при этом и исследование вопроса о правомерности действий регистрирующего органа, в связи с чем статья 16.1 ГК РФ, регулирующая вопросы компенсации за правомерные действия государственных органов и органов местного самоуправления, в рассматриваемой ситуации также не подлежит применению.

Конституционный Суд отметил, что государство в данном случае выступает не как сторона в отношениях юридической ответственности, не как причинитель вреда (что требовало бы полного возмещения причиненного вреда) и не как должник по деликтному обязательству, а как публичная власть, организующая систему компенсации за счет казны Российской Федерации собственникам жилого помещения, которые не могут его истребовать от добросовестных приобретателей, и добросовестным приобретателям, от которых было истребовано жилое помещение.

Оспариваемые законоположения — притом что они преследуют конституционно значимые цели — не отвечают конституционным критериям недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования. Это подтверждается практикой их применения, анализ которой свидетельствует о том, что суды во многих случаях отказывают в удовлетворении исковых требований заявителей, трактуя эти законоположения как подлежащие применению только при установлении факта неправомерных действий компетентного государственного органа при регистрации прав на жилое помещение, в результате которых лицо лишилось этого имущества. Такое толкование во многом обуславливается тем, что статья 31.1 помещена законодателем в главу «Ответственность при государственной регистрации прав на недвижимое имущество» Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ.

Кроме того, многозначность юридического термина «компенсация» налагает на законодателя обязанность использовать его таким образом, чтобы правовая природа разовой компенсации, установленной статьей 31.1 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ, и условия реализации права на нее были понятны правоприменительным органам. Однако в результате допущенного законодателем отступления от правил юридической техники суды в ряде случаев отождествляли предусмотренный данной статьей правовой механизм с механизмом ответственности компетентных органов при государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Конституционный Суд отметил, что неопределенность в понимании правовой природы компенсации, предусмотренной положениями статьи 31.1 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ, могла бы быть не столь ощутимой, если бы эти положения были своевременно конкретизированы в подлежащем принятию, но не принятом правительственным нормативном правовом акте о порядке ее выплаты.

Таким образом, оспариваемые положения — с учетом их места в структуре Федерального закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ и понимания в правоприменительной практике — не соответствуют Конституции РФ, поскольку позволяют судам отказывать в выплате разовой компенсации добросовестному приобретателю, от которого было истребовано жилое помещение, ссылаясь на отсутствие оснований для привлечения государственного органа к ответственности за незаконные действия (бездействие), связанные с производившейся им государственной регистрацией прав на жилое помещение.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 декабря 2011 года по делу «Гладышева (Gladysheva) против Российской Федерации» (жалоба № 7097/10), в котором Суд указал, что риск любой ошибки, допущенной государственным органом, должно нести государство, и такие ошибки не должны устраняться за счет заинтересованного лица.

Особое мнение по данному делу представил судья Н. С. Бондарь.

Постановление от 8 июня 2015 года № 14-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 256 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201506090038; дата опубликования: 09.06.2015)

Правовые категории в Постановлении: моральный вред; право на обжалование решений и действий (или бездействий) органов государственной власти; право на судебную защиту; право на возмещение государством вреда.

Заявитель: гражданка Т. И. Романова (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть первая статьи 256 ГПК РФ в той мере, в какой данная норма служит основанием для отказа в связи с пропуском трехмесячного срока обращения в суд в удовлетворении иска о компенсации морального вреда, причиненного гражданину решениями, действиями (бездействием) органа государственной власти, органа местного самоуправления, должностного лица, государственного или муниципального служащего, незаконность которых установлена вступившим в законную силу решением суда.

Позиция заявителя: применение судами части первой статьи 256 ГПК РФ в качестве основания для отказа в иске при рассмотрении дела о компенсации морального вреда противоречит статьям 52, 53 Конституции РФ и нарушает ее право на возмещение государством причиненного ей вреда.

Итоговый вывод решения: часть первая статьи 256 ГПК РФ не соответствует статьям 45, 46 (части 1 и 2), 52 и 53 Конституции РФ в той мере, в какой данная норма в системе действующего правового регулирования выступает в судебном истолковании в качестве основания для отказа в связи с пропуском трехмесячного срока обращения в суд в иске о компенсации морального вреда, причиненного гражданину незаконными решениями, действиями (бездействием) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных или муниципальных служащих, в тех случаях, когда сам факт нарушения прав и свобод гражданина установлен другим решением суда, вступившим в законную силу.

Мотивы решения. Из содержания конституционных положений и норм международного права следует, что решения, действия (или бездействие) органов публичной власти или их должностных лиц, причинившие вред любому лицу, влекут возникновение у государства обязанности этот вред возместить, а каждый пострадавший от незаконных действий (или бездействия) органов государственной власти или их должностных лиц наделяется правом требовать от государства в том числе справедливой компенсации морального вреда, причиненного такими действиями (или бездействием), на что неоднократно указывал Конституционный Суд РФ в своих решениях (см.: *определения от 16 октября 2001 года № 252-О, от 3 июля 2008 года № 734-О-П, от 4 июня 2009 года № 1005-О-О, от 24 января 2013 года № 125-О и др.*).

Компенсация морального вреда как самостоятельный способ защиты гражданских прав есть мера гражданско-правовой ответственности, правовая природа которой является единой независимо от того, в какой сфере отношений — публично-правовой или частноправовой — принимается такой вред.

Конституционное право на судебную защиту, как следует из статьи 46 (части 1 и 2) Конституции РФ, — это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты путем восстановления нарушенных прав и свобод, которая должна быть обеспечена государством. Иное не согласуется с универсальным во всех видах судопроизводства требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости, умаляет и ограничивает право на судебную защиту, в рамках осуществления которого возможно обжалование в суд решений и действий (бездействия) любых органов публичной власти (см.: *постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 28 мая 1999 года № 9-П, от 11 мая 2005 года № 5-П и др.*).

Гражданин вправе обратиться в суд с заявлением об оспаривании решения, действия (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, должностного лица, государственного или муниципального служащего в течение трех месяцев со дня, когда ему стало известно о нарушении его прав и свобод; пропуск трехмесячного срока не является для суда основанием для отказа в принятии заявления; причины пропуска срока выясняются в предварительном судебном заседании или судебном заседании и могут являться основанием для отказа в удовлетворении заявления (статья 256 ГПК РФ).

Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно отмечал, что установление в законе сроков для обращения в суд с заявлениями об оспаривании действий (бездействия) должностных лиц обусловлено необходимостью обеспечить стабильность и определенность публичных правоотношений и не может рассматриваться как нарушение конституционных прав граждан, поскольку несоблюдение установленного срока не является основанием для отказа в принятии таких заявлений, — вопрос о причинах пропуска срока решается судом после возбуждения дела, то есть в предварительном судебном заседании или в судебном заседании; заинтересованные лица вправе ходатайствовать о восстановлении пропущенного срока, и, если пропуск срока был обусловлен уважительными причинами, такого рода ходатайства подлежат удовлетворению судом (см.: *определения от 22 января 2014 года № 103-О, от 24 июня 2014 года № 1537-О, от 17 июля 2014 года № 1593-О, от 25 сентября 2014 года № 2189-О и др.*).

Следовательно, сама по себе часть первая статьи 256 ГПК РФ не может расцениваться как противоречащая Конституции РФ при применении ее в делах, возникающих из публичных правоотношений.

Применительно к гарантиям защиты прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью (статьи 52 и 53 Конституции РФ) на государство возлагается обязанность не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечивать потерпевшему возможность отстаивать свои права и законные

интересы любыми не запрещенными законом способами. Иное означало бы противоречащее предписаниям статьи 21 (часть 1) Конституции РФ умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством (см.: *постановления от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 25 июня 2013 года № 14-П и от 7 апреля 2015 года № 7-П*).

В случаях, когда требование о компенсации морального вреда вытекает из нарушения имущественных или иных прав, именно заинтересованному лицу в силу присущего гражданскому судопроизводству принципа диспозитивности принадлежит право выбирать, обращаться ли ему в суд с соответствующим иском одновременно с требованием о защите нарушенных прав или по отдельности (статьи 3, 131 и 151 ГПК РФ). При этом требование о компенсации морального вреда, как правило, предъявляется в суд заинтересованным лицом одновременно с требованием, из которого оно вытекает, а потому возможность его удовлетворения не может не зависеть от установления судом в том же судебном процессе оснований для удовлетворения основного требования.

Установленный в настоящее время Гражданским процессуальным кодексом РФ порядок производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, представляет собой дополнительную гарантию, направленную на наиболее быстрое и наименее обременительное для гражданина обеспечение защиты его прав от незаконных решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных или муниципальных служащих.

Соответственно, данный порядок в системе действующего правового регулирования не запрещает заинтересованному лицу обращаться в суд с таким иском уже после разрешения судом требования о признании решений, действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц, повлекших причинение морального вреда, незаконными, в том числе и после вступления в законную силу решения суда, которым это требование было удовлетворено. При этом сам факт его удовлетворения означает, что у суда отсутствовали основания для отказа в удовлетворении соответствующего требования по при-

чине нарушения срока обращения в суд, предусмотренного частью первой статьи 256 ГПК РФ.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ в своих решениях, факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения данного дела, что вытекает из принципов общеобязательности и исполнимости вступивших в законную силу судебных решений в

качестве актов судебной власти, обусловленных ее прерогативами (см.: *Постановление от 21 декабря 2011 года № 30-П; определения от 6 ноября 2014 года № 2528-О, от 17 февраля 2015 года № 271-О и др.*).

Акты международного права, использованные в Постановлении: пункты 18, 19 и 21 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принята 29 ноября 1985 года Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН).

Постановление от 16 июня 2015 года № 15-П по делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201506180001; дата опубликования: 18.06.2015)

Правовые категории в Постановлении: право на получение информации; тайна усыновления; неприкосновенность частной жизни; личная и семейная тайна; право знать свое происхождение.

Заявители: граждане Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гущина (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения статьи 139 Семейного кодекса РФ и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в той мере, в какой они служат основанием для решения вопроса о возможности получения потомками усыновленного сведений об усыновлении после смерти усыновленного и усыновителей.

Позиция заявителей: оспариваемые положения противоречат статье 29 (часть 4) Конституции РФ, закрепляющей право на свободный поиск и получение информации, а также ее статьям 2, 17 (часть 1), 18, 19 (часть 1), 24 (часть 2) и 55 (часть 3), поскольку допускают получение сведений об усыновлении только при условии согласия на это усыновителей и не предусматривают возможность получения таких сведений наследниками усыновленного в случае, когда сам факт усыновления стал им известен после его смерти и смерти усыновителей.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд РФ признал положения статьи 139

Семейного кодекса РФ и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» не противоречащими Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу они не препятствуют предоставлению по решению суда потомкам усыновленного после смерти усыновленного и усыновителей сведений об усыновлении в объеме, необходимом для реализации ими своих конституционных прав и обеспечивающем поддержание баланса конституционно защищаемых ценностей, а также прав и законных интересов участников соответствующих правоотношений.

Мотивы решения. Ограничение прав, в том числе в целях защиты прав других лиц, в силу статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции РФ может иметь место только на основании федерального закона. Предполагается, что реализация конституционного права на информацию, затрагивающую частную жизнь других лиц, возможна только в порядке, установленном законом, и что федеральный законодатель правомочен определить законные способы получения такой информации. При этом Конституция РФ предполагает возможность установления в отношении той или иной информации специального правового режима, в том числе режима ограничения свободного доступа к ней со стороны граждан (см.: *Постановление от 18 фев-*

раля 2000 года № 3-П; определения от 12 мая 2003 года № 173-О, от 29 января 2009 года № 3-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1063-О-О и др.).

Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера (см.: *определения от 9 июня 2005 года № 248-О, от 26 января 2010 года № 158-О-О* и др.).

Одним из принципов регулирования семейных отношений является приоритет семейного воспитания детей; его реализация предполагает не только заключение брака, но и закрепление правовой связи между родителем (лицом, его заменяющим) и ребенком; одним из средств обеспечения этой связи применительно к детям, оставшимся без попечения родителей, служит возможность их передачи в семью на воспитание (усыновление (удочерение), передача под опеку или попечительство, в приемную семью либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, в патронатную семью); наиболее предпочтительной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, является усыновление (удочерение) (см.: *Постановление от 31 января 2014 года № 1-П*).

Правовой режим тайны усыновления, установленный действующим правовым регулированием, направлен на создание полноценных семейных, подлинно родственных отношений между усыновителем и усыновленным, обеспечение стабильности усыновления, защиту прав и интересов всех членов семьи, важная роль которой в развитии личности, удовлетворении ее духовных потребностей и обусловленная ею конституционная ценность института семьи требуют со стороны государства уважения и защиты отношений, которые возникают посредством установления усыновления, а потому закрепляющие этот режим положения пункта 1 статьи 139 Семейного кодекса РФ и пункта 1 статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» не могут рассматриваться как противоречащие Конституции РФ.

Вместе с тем тайна усыновления не является обязательным условием любого усыновления. Если к моменту усыновления ребенок в силу возраста или по другим причинам не мог знать о факте усыновления, дальнейшее сохранение тайны усыновления законодатель связывает исключительно с волей усыновителей, о чем специально упоминается в пункте 2 статьи 139 Семейного кодекса РФ и пункте 2 статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния».

Положения статьи 139 Семейного кодекса РФ и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», как препятствующие получению сведений об усыновлении без согласия усыновителей на раскрытие тайны усыновления, применяются на практике не только для обеспечения и защиты соответствующих прав взрослого и ребенка (усыновителя и усыновленного), но и при разрешении вопроса о возможности реализации взрослыми детьми усыновленного права узнать о его происхождении после его смерти и смерти лиц, усыновивших его (бабушки и дедушки).

В силу предписаний статей 23 (часть 1) и 24 (часть 1) Конституции РФ конфиденциальным характером обладает любая информация о частной жизни лица, а потому она во всяком случае относится к сведениям ограниченного доступа. При этом в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит не противоправный характер (см.: *определения от 9 июня 2005 года № 248-О, от 26 января 2010 года № 158-О-О и от 27 мая 2010 года № 644-О-О*).

Соответственно, лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне; сбор или распространение информации о частной жизни лица допускается лишь в предусмотренном законом порядке и лишь в отношении тех сведений, которые уже официально кому-либо доверены самим лицом и в законном порядке собраны, хранятся, используются и могут распространяться. Иное приводило бы к произвольному, не основанному на законе вторжению в сферу частной жизни лица, право на

неприкосновенность которой гарантируется Конституцией РФ, сужало бы понятие частной жизни и объем гарантий ее защиты (см.: *Определение от 28 июня 2012 года № 1253-О*).

Между тем из Конституции РФ не вытекает, что право каждого получать информацию, непосредственно затрагивающую его права и свободы и позволяющую, в свою очередь, реализовать право знать свое происхождение (в данном случае — происхождение своих родителей), не подлежит осуществлению. Напротив, его ограничения не должны приводить к исключению самой возможности осуществления данного права. Во всех случаях, в том числе при реализации корреспондирующей этому праву обязанности органов государственной власти и их должностных лиц предоставлять соответствующие сведения, необходимо соблюдение установленных пределов его ограничения, обусловленных целью обеспечения защиты прав граждан в соответствии с семейным и иным законодательством при их нарушении.

В ситуациях усыновления сведения о происхождении ребенка, хотя они и имеют конфиденциальный характер, могут оказаться незаменимыми для раскрытия генетической истории семьи и выявления биологических связей, составляющих важную часть идентичности каждого человека, включая тайну имени, места рождения и иных обстоятельств усыновления, в частности при необходимости выявления (диагностики) наследственных заболеваний, предотвращения браков с близкими кровными родственниками и т.д. В таких случаях речь идет об удовлетворении лицом определенного информационного интереса, который состоит в том, чтобы знать о происхождении своих родителей, о своих предках.

Соответственно, юридическая возможность предоставления потомкам усыновленного лица информации, касающейся его усыновления, после его смерти — при отсутствии высказанной его усыновителями при жизни воли на раскрытие тайны усыновления — не может рассматриваться как не имеющая необходимого конституционного обоснования.

В то же время семейная тайна, в частности тайна усыновления, это тайна семейной общности, то есть основанного на браке или родстве объединения лиц, связанных между собой личными и имущественными отноше-

ниями, правами и обязанностями, воспитанием детей, заботой о родителях, ведением общего хозяйства. При отсутствии высказанной усыновителями при жизни воли на раскрытие тайны усыновления, с которой законодатель связывает возможность раскрытия такой информации (пункт 2 статьи 139 Семейного кодекса РФ и пункт 2 статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»), смерть усыновителей как юридический факт сама по себе не прекращает действие режима тайны усыновления и не свидетельствует об изменении или отмене правовых последствий усыновления (статья 137 Семейного кодекса РФ).

Раскрытие тайны усыновления для потомков усыновленного после его смерти и смерти усыновителей само по себе не влечет изменения объема прав и обязанностей лиц, являющихся биологическими родственниками усыновленного, или объема прав и обязанностей членов семьи усыновленного.

Исходя из этого применение положений статьи 139 Семейного кодекса РФ и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» не только для обеспечения соответствующих прав взрослого и ребенка (усыновителя и усыновленного), но и при разрешении вопросов о возможности реализации права взрослых детей (потомков) усыновленного лица после его смерти и смерти усыновителей узнать о его происхождении и при их истолковании в таких случаях как не предполагающих ни при каких обстоятельствах раскрытия тайны усыновления без согласия усыновителей объективно затрудняло бы реализацию права потомков усыновленного знать о его происхождении, поскольку после смерти усыновленного (родителя) и усыновителей (бабушки и дедушки) согласие на раскрытие тайны усыновления уже не может быть получено.

Акты международного права, использованные в Постановлении: преамбула, пункт 2 статьи 3, статья 4 и пункт 1 статьи 27 Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года), Декларации прав ребенка (принята резолюцией Генеральной Ассамблеей ООН 1386 (XIV) от 20 ноября 1959 года), Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновле-

нии на национальном и международном уровнях (принята резолюцией 41/85 Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1986 года), статьи 8 и 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 февраля 1993 года по делу «G. против Нидерландов», Постановление Европейского Суда по пра-

вам человека от 21 декабря 2010 года по делу «Анайо (Anayo) против Германии», Постановление Европейского Суда по правам человека от 13 февраля 2003 года по делу «Одиевр (Odievre) против Франции», Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 сентября 2012 года по делу «Годелли (Godelli) против Италии».

Постановление от 25 июня 2015 года № 16-П по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 207 и статьи 216 Налогового кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201506250014; дата опубликования: 26.06.2015)

Правовые категории в Постановлении: налоговый суверенитет; налоговое резидентство; налог на доходы физических лиц (НДФЛ); Союзное государство России и Белоруссии; Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Заявитель: гражданин Республики Беларусь С.П. Лярский (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения пункта 2 статьи 207 и статьи 216 НК РФ в той мере, в какой на их основании решается вопрос о порядке исчисления срока нахождения граждан Республики Беларусь в Российской Федерации для целей определения ставки НДФЛ в отношении вознаграждения за работу по найму, осуществляемую в период нахождения в Российской Федерации.

Позиция заявителя: оспариваемые законоположения не соответствуют Конституции РФ, ее статьям 15 (часть 2) и 46 (часть 1) в силу неопределенности содержащихся в них положений, касающихся исчисления срока нахождения физического лица в Российской Федерации для целей его определения как налогового резидента. По мнению заявителя, при определении данного срока должен учитываться не налоговый период, ограниченный календарным годом, а период фактического нахождения налогоплательщика на территории Российской Федерации в течение 183 календарных дней; иное понимание этих законоположений не позволяет налогоплательщику осуществить возврат НДФЛ, уплаченного по повышенной ставке (30 процентов) за прошлый налоговый период, который по времени меньше, чем календарный год.

Итоговый вывод решения: положения обжалуемой нормы признаны не противоречащими Конституции РФ, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу не предполагают отказ гражданам Республики Беларусь при обложении налогом на доходы физических лиц вознаграждения за работу по найму, полученного ими в период нахождения на территории Российской Федерации, в применении правил налогообложения, установленных для налоговых резидентов Российской Федерации, в соответствии с условиями, предусмотренными международным договором, несмотря на отсутствие у них по итогам налогового периода статуса налогового резидента Российской Федерации.

Мотивы решения. Налоговый кодекс РФ определяет плательщиков НДФЛ как физических лиц, являющихся налоговыми резидентами Российской Федерации, и физических лиц, не являющихся налоговыми резидентами, но получающих доходы от источников в Российской Федерации (статья 19, пункт 1 статьи 207). Налоговыми резидентами данный Кодекс признает физических лиц, фактически находящихся в Российской Федерации не менее 183 календарных дней в течение 12 следующих подряд месяцев (пункт 2 статьи 207).

Наличие статуса налогового резидента Российской Федерации, устанавливаемого в начале налогового периода на каждую дату выплаты дохода исходя из критерия нахождения его в Российской Федерации не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд ме-

сяцев, носит предварительный характер и подлежит уточнению в конце налогового периода в зависимости от продолжительности пребывания физического лица на территории Российской Федерации в данном налоговом периоде, что является основанием для перерасчета НДФЛ, взимавшегося исходя из предварительного налогового статуса лица, который оно имело в начале текущего налогового периода.

Налоговый кодекс РФ прямо указывает на необходимость для перерасчета НДФЛ с целью возврата соответствующих сумм подтверждать статус налогового резидента Российской Федерации применительно к конкретному налоговому периоду, а соблюдение налогоплательщиком условия пребывания в Российской Федерации не менее 183 календарных дней из 12 месяцев, следующих подряд, с учетом установленных правил исчисления данного срока позволит ему получить право на возврат налога, уплаченного ранее по повышенной ставке. Данное правовое регулирование, по мнению Суда, не может рассцениваться как дискриминационное в отношении физических лиц в зависимости от срока их пребывания на территории Российской Федерации, а также как выходящее за допустимые пределы дискреции федерального законодателя в этой сфере.

Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и имущество от 21 апреля 1995 года (далее — Соглашение) предусмотрено, что при соблюдении определенных условий доходы от работы по найму, получаемые лицом с постоянным местом жительства в одном договариваемом государстве в отношении работы по найму, могут облагаться налогом в другом договариваемом государстве. В соответствии с Протоколом от 24 января 2006 года к этому Соглашению (далее — Протокол) вознаграждение, получаемое физическим лицом с постоянным местом жительства в одном договариваемом государстве (гражданином Российской Федерации или Республики Беларусь) в отношении работы по найму, осуществляемой в другом договариваемом государстве в течение периода нахождения в этом государстве, составляющего

не менее 183 дней в календарном году, либо непрерывно в течение 183 дней, начавшихся в предшествующем календарном году и истекающих в текущем календарном году, может облагаться налогом в этом другом договариваемом государстве в порядке и по ставкам, предусмотренным в отношении лиц с постоянным местом жительства в этом договариваемом государстве.

В последнем случае принимается во внимание работа по найму, осуществляемая в другом государстве непрерывно в течение 183 дней, даже если начало течения этого срока приходится на предшествующий налоговый период; в силу пункта 2 статьи 1 Протокола к рассматриваемому Соглашению специальный налоговый режим применяется в этом случае с даты начала работы по найму в другом договариваемом государстве, и главное условие для применения налогового режима, под который подпадают резиденты, — это длительность работы по трудовому договору, составляющая не менее 183 дней.

Практика свидетельствует о том, что установленные Протоколом критерии понимаются налоговыми органами и судами как подлежащие применению во взаимосвязи с правилами о налоговом периоде — по аналогии с критериями, содержащимися в Налоговом кодексе РФ, что приводит к их применению вопреки их действительному смыслу. Между тем Соглашением установлено особое регулирование, не предусматривающее условия уточнения налогового статуса физического лица по итогам налогового периода и отличающееся тем самым от национальных правил об определении критериев резидентства физических лиц. Соответственно, и определение лиц, имеющих право воспользоваться таким налоговым регулированием, должно осуществляться на основании критериев, закрепленных в Протоколе, — вне связи с критериями, закрепленными в Налоговом кодексе РФ. Иной подход противоречил бы целям и смыслу Соглашения и Протокола и фактически приводил бы к произвольному отказу России от взятых на себя международных обязательств.

Таким образом, пункт 2 статьи 207 и статья 216 НК РФ не предполагают отказ гражданам Республики Беларусь при обложении налогом на доходы физических лиц их вознаграждения за работу по найму, получен-

ного в период нахождения на территории Российской Федерации, в применении правил налогообложения, установленных для налоговых резидентов Российской Федерации, в соответствии с условиями, предусмотренными международным договором, несмотря на отсутствие у них по итогам налогового периода статуса налогового резидента Российской Федерации.

Суд отметил также, что при выборе нормы международного договора необходимо учитывать не только положения Протокола к Соглашению, но и положения Договора о ЕАЭС, в рамках которого была достигнута договоренность о распространении на физических лиц, являющихся налоговыми резидентами государств — членов ЕАЭС, национальных налоговых режимов в части применения ставки налогообложения доходов, полученных в связи с работой по найму в других государствах — членах ЕАЭС.

Акты международного права, использованные в Постановлении: преамбула Венской конвенции о праве международных договоров; статья 14 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и имущество от 21 апреля 1995 года (ратифицировано Федеральным законом от 10 января 1997 года № 14-ФЗ); пункты 1 и 2 статьи 1 Протокола от 24 января 2006 года к указанному Соглашению (ратифицирован Федеральным законом от 17 мая 2007 года № 81-ФЗ); Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в Астане 29 мая 2014 года).

Обзор подготовили: Тимофей Виноградов, Ярослава Гребенщикова, Ольга Подделова. Редактор: Татьяна Храмова.

[Не] дважды за одно: особый характер экологического ущерба и общие принципы юридической ответственности

Комментарий к Постановлению Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 года № 12-П

Александра Ивлиева

В статье анализируется Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 года № 12-П по делу о проверке конституционности ряда положений экологического законодательства, которые устанавливают порядок определения размера ущерба, подлежащего компенсации в случаях причинения вреда окружающей среде. Приветствуя решение в пользу заявителя, автор вместе с тем указывает на недостатки в аргументации и недостаточную четкость выводов Суда по данному делу.

→ Конституционный Суд; экологическая ответственность; возмещение вреда окружающей среде; таксовый метод; политико-правовой анализ

Институт экологической ответственности теоретически является не менее значимым инструментом управления качеством окружающей среды, чем прямое нормативное регулирование¹. Но в российском контексте он не работает так эффективно, как требует текущее состояние окружающей среды², далекое

от того «благоприятного состояния»³, которое гарантируется каждому Конституцией РФ (ст. 42). Как представляется, это связано в первую очередь с тем, что ключевые законодательные положения об экологической ответственности, сами по себе очень неопределенные, получают судебное толкование, ос-